

СЛОВО О КОТЭ МАРДЖАНИШВИЛИ

«Я ЛЮБИЛ ВСТРЕЧАТЬ ВЕСНУ...»

В России, в Москве его называли Константином Марджановым. Удивительное дело — вокруг этого человека объединялись люди самые различные по характеру и темпераменту. И хотя был вспыльчивым, обиды умел забывать. Как часто случалось, встретив бывшего обидчика, заключал его в свои объятия. И делал это всегда искренне.

Наталья Александровна Луначарская-Розенель, жена наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского и сама известная драматическая и киноактриса, вспоминала, что на одном из вечеров в ее доме встретились Константин Марджанов и Мария Федоровна Андреева.

Жена Алексея Максимовича Горького, актриса Московского художественного театра, активный общественный деятель, Мария Федоровна в начале 20-х годов возглавляла Театральный отдел в Петрограде. Тогда же там работал режиссером и Марджанов. Случались между ними разногласия, тем более, что он был человеком увлекающимся и чрезвычайно непрактичным. Так распространился слух о якобы не совсем сложившихся отношениях.

Так вот, придя в дом Луначарских и увидев Марию Федоровну, Марджанов уже с порога бросился к ней, поцеловал руку и нежно обнял. Наблюдая за ними, можно было подумать, что встретились старые добрые друзья. Да так оно и было!

Константин Александрович принял благодарить хозяйку дома.

Какой неожиданный сюрприз приготовили вы для меня, дорогая Наталья Александровна, — заговорил Марджанов с пылом. — Целую вечность не виделась с Марией Федоровной. А ведь, сознаюсь, она — мой добрый гений. Сколько раз выручала. Мне, может быть, в тюрьме сидеть за мои финансовые и злишества, массу денег стоили мои фантазии при постановках. И только она понимала и помогала.

Вы всегда склонны к

преувеличениям, — произнесла Мария Федоровна, но было видно, что ей приятно его слова. — Когда я бывала в Тифлисе, всегда встречалась с разного рода преувеличениями. Сразу огорюсь, чаще всего они были приятного свойства...

В последний год своей жизни Константин Александрович работал в Москве, ставил сразу два спектакля: в Малом театре — «Дон Карлоса» Ф. Шиллера, в Музыкальном — «Летучую мышь». Спектакли были совсем разные. Один — трагедийного плана, в котором давила мрачная атмосфера королевского дворца. Другой — веселый, пышущий жизнью. И только удивляться приходилось его «раздвоенности», причем без ущерба как для трагедии, так и для комедии.

В «Дон Карлосе» ему хотелось создать поэтический спектакль, в котором побеждают гуманизм и истинная любовь к людям. Репетиции, которые он проводил, были школой для мастеров Малого театра. Известный артист Михаил Францевич Ленин репетировал одну из главных ролей — испанского короля Филиппа Второго. Лег за десять до того Михаил Францевич играл эту роль в театре известного антрепренера Федора Адамовича Корша. Казалось бы, роль была давно готова. Но Марджанов смотрит на актера и размышляет вслух:

— Король Филипп погряз в своих страстях. Он бесценен бороться с ними и оказывается на гибельной грани. В этот момент король мучительно ищет помощи у герцога Альбы и Инквизитора королевства. Активно ищет. Активности вам не хватает. Не будьте статичны!

Актер повторяет сцену. Он проходит мимо грандов, рассуждающих перед ним, идет медленно, глядясь в их лица, но словно никого не замечает. Наконец, прорывается и начинает монолог.

Марджанов стискивает ручку кресла, в котором сидит. Кажется, найдены интонации, и король не вы-

глядит статичным. Константин Александрович вынимает платок и вытирает лоб, глаза.

— Да, с вами все ясно, — говорит он. — Спасибо вам.

А потом произошло самое страшное, чего никто не мог ни предвидеть, ни предотвратить. Смерть пришла перед самой генеральной репетицией.

В репетиционном зале Малого театра, где накануне Марджанов работал с актерами, состоялась гражданская панихида. Всегда этот зал казался огромным, а сейчас он был тесным и скорбным. Вся театральная Москва прощалась с Котэ Марджанишвили.

У самого гроба, прижавшись друг к другу, стояли в скорбном молчании Мария Федоровна Андреева и Наталья Александровна Луначарская — Розенель.

Вперед шагнул Анатолий Васильевич Луначарский.

— Константин Александрович, — сказал он, — прожил жизнь прекрасную... В своем художественном творчестве он жил для того, чтобы оставить по себе память блестящую...

В притихшем скорбном зале как прощание прозвучал монолог Филиппа, прочитанный Михаилом Лениным.

Позднее об этом моменте юный тогда Дмитрий Александрович Алексидзе, будущий народный артист СССР, скажет: «Каждое слово Михаила Францевича проникало в душу... Так он никогда не смог бы его еще раз прочесть».

В траурной толпе стоял близкий Марджанову человек — русский писатель Лев Никулин. Он вглядывался в лицо друга, в его навсегда потухший взгляд, вспоминал о недавней с ним встрече, его удивительно сияющие глаза и последние слова, которые слышал от Котэ Марджанишвили:

— Я любил встречать весну. Я ее чувствовал долго, всегда, всю свою жизнь... Я любил смотреть на красивых женщин. Помните, мы ехали в машине, и ты мне сказал, что говорил тебе французский поффер, который учил тебя ездить: «Вы смотрите на всех женщин, переходящих через улицу, а надо смотреть только на красивых женщин...». Мы очень смеялись тогда...

Дмитрий БРУДНЫЙ,
кандидат искусствоведения.
г. Москва.

1987 г. 10/11-87
Март Джанишвили В.
г. Тбилиси